

УДК 327([47+410]:[55+5-012])"19"(045)

*А.В. Макутчев***АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ИРАНЕ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА
ГЕНРИ ДЖЕЙМСА УИГЕМА (1869–1954)**

В современной исторической науке проявляется всё больший интерес к исторической имагологии – научной дисциплине, изучающей образы «чужих» наций и культур, сформировавшиеся в конкретной социально-исторической среде. Имагология позволяет раскрыть характерные черты как воспринимаемого «чужого» объекта, так и самосознания оценивающего субъекта. В данном исследовании исследуется образ России в британском обществе на рубеже XIX–XX вв. в контексте глобального англо-русского соперничества – «Большой игры». Эмпирическую основу исследования составили труды британского путешественника и журналиста Г. Дж. Уигема, изданные в 1903–1904 гг. Уигем в своих работах подробно анализирует британские торговые и геополитические интересы в Иране и на Дальнем Востоке, критикует внешнеполитическую доктрину британского правительства, анализирует развитие и перспективы противостояния России в указанных регионах, дает картину настроений британского общества по поводу продолжения этого противостояния и представляет хоть и тенденциозный, но яркий образ России как британского конкурента.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, «Большая игра», Иран, Маньчжурия, имагология, русофобия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-530-539

Рубеж XIX–XX вв. стал временем значимых геополитических сдвигов. Европа жила в ожидании масштабного вооруженного конфликта, за ее пределами продолжался передел мира, во многом спровоцированный активизацией внешней политики Германии. Одними из эпицентров геополитической напряженности оставались Центральная Азия и Дальний Восток, где сталкивались интересы Британии и России. Это соперничество, получившее с подачи британского разведчика Артура Конолли наименование «Большой игры», велось с первой четверти XIX в. и к концу века перешло в новую фазу, когда под давлением извне (со стороны Германии) следовало так или иначе разрубить gordiev узел противоречий.

В отечественной и британской историографии тема «Большой игры» всегда была одной из наиболее востребованных, напоминая исследователям о временах, когда Российская и Британская империи были в авангарде мировой политики и входили в число вершителей судеб всего мира. Британские авторы (Дж. Морган [17], Р. Гривс [14], П. Хопкирк [15], М. Япп [23] и др.) в попытках выявить цели и мотивы участников «Большой игры», традиционно представляли Англию обороняющейся стороной, противостоявшей российской экспансии в разных точках планеты. При этом исследователи (Дж. Глисон [13], А. Резис [19]) отмечали, что существенное влияние на такую интерпретацию противостояния оказывала русофобия, пустившая глубокие корни в британском обществе и обусловившая представление о России как экспансионистской державе, угрожающей интересам британцев [1, с. 87]. В отечественной историографии анализу образа Британии в период «Большой игры» посвящены публикации А. Г. Данкова [1], О. И. Жигалиной [2], Б. С. Маннанова [4], И. С. Медведик [5], Е. А. Орлова [6] и др.

Именно общественное мнение на рубеже XIX–XX вв. стало играть важнейшую роль во внешнеполитических делах и Британии, и России. Настроения общества зачастую определяли политики и публицисты, вопросы мировой политики были активно представлены и в политических дебатах, и в периодических изданиях. Обычной практикой стала отправка за рубеж корреспондентов, которые нередко работали в тесном контакте с дипломатами. Они публиковали впечатления от заграничных поездок с изложением своих политических соображений, которые влияли на общественное мнение и отражали представленные на тот момент в обществе взгляды и дискуссии [5, с. 70]. В качестве примера рассмотрим интерпретацию англо-русского соперничества на рубеже XIX–XX веков британским журналистом Генри Уигемом.

Генри Джеймс Уигем (Whigham) родился в 1869 г. в Шотландии в одном из самых знатных родов британского общества. Его братья сделали выдающиеся карьеры в финансах, политике и армии, но Генри вошел в историю как журналист, путешественник и один из пионеров гольфа, разработав-

ший первый свод правил этого вида спорта. В 1895–1897 гг. Уигем был критиком в американской газете «Чикаго трибьюн», а в дальнейшем работал военным корреспондентом в ходе испано-американской войны 1898 г., освещал «восстание боксеров» в Китае и русско-японскую войну. Мнение Уигема нельзя назвать беспристрастным – он являлся проводником и защитником британских интересов, однако главная ценность его произведений состоит в том, что они стали реакцией на государственную политику Британии в отношении России и отражением споров в британском обществе по поводу перспектив англо-русского соперничества.

В 1903–1904 гг. Уигем опубликовал две книги – «Маньчжурия и Корея» («Manchuria and Korea» [21]) и «Персидская проблема: исследование соперничающих позиций России и Британии в Персии» («The Persian Problem: An Examination of the Rival Positions of Russia and Great Britain in Persia» [22]). В основу книг были положены путевые заметки, которые Уигем составил в ходе путешествий по Дальнему Востоку и Средней Азии. В 1902 г. автор посетил северо-восточный Китай, оправлявшийся от последствий «восстания боксеров», в частности, находившиеся под российским контролем маньчжурские города Дальний, Нючжуан (Инкоу), Харбин, а также корейский Сеул. По пути с Дальнего Востока в Европу Уигем предпринял поездку по Ирану (Персии) и берегам Персидского залива, побывал в местных портах (Маскате, Бендер-Аббасе, Бушире, Кувейте), в Багдаде и Тегеране, в османских владениях, а также в российских Баку, Эривани и Тифлисе. Повсюду он изучал состояние торговли и транспорта, настроения населения и соотношение британских, российских и германских коммерческих и политических интересов. Лейтмотивом впечатлений Уигема от этих поездок, отраженным в его книгах, стала мысль о необходимости активизации британской внешней политики: «Позволить России или любой другой державе приобрести права и концессии в полудивилизованной стране, которые могут закончиться только оккупацией этой страны, а затем провести три года в нытье и протестах против оккупации – это образ действий, в высшей степени унижающий нашу национальную честь. Нашим властям на Даунинг-стрит пора понять, что игра уже идет» [22, р. 408].

Уигем был не первым, кто пытался обрисовать положение британских дел в Азии и предложить меры, которых требовала эта ситуация. Его взгляды в некоторых аспектах были близки взглядам тогдашнего вице-короля Индии и будущего министра иностранных дел лорда Дж. Н. Керзона, одного из апологетов британского колониализма и сторонника расширения влияния Лондона в Азии. Керзон был автором ряда трудов («Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question» (1889), «Persia and the Persian Question» (1892)), в которых указывал на российскую угрозу британским интересам и, как и Уигем, призывал правительство к решительным действиям. Однако Уигем, в отличие от Керзона, был не политиком, а журналистом, поэтому его книга более объективна к конкурентам Британии (как мы увидим далее, он находил возможности отдать должное России в некоторых аспектах) и более критична в отношении британского внешнеполитического ведомства. Более того, хотя Керзон помог Уигему в организации поездки на Восток, в некоторых принципиальных аспектах Уигем не согласился с выводами своего высокого покровителя (например, по вопросу о роли железных дорог в развитии государств).

Восприятие России в британском обществе рубежа XIX–XX вв., находясь в целом в пределах «образа соперника», было неоднозначным. Одним Россия представлялась непримиримым и крайне опасным врагом, достижение компромисса с которым было проблематичным или даже невозможным; другие полагали, что в будущем, возможно, противники займут нейтральные позиции [5, с. 71]. Два этих полюса соотносятся с двумя концепциями внешней политики в Азии, сформировавшимися в Британии в 1830–1840-х гг. и ставшими не просто предметом академических дискуссий, а отражением политической борьбы и стремлений политиков повлиять на общественное мнение. Английский историк Дж. Морган назвал эти противоборствующие концепции концепцией «наступательной политики» и концепцией «искусного бездействия» (или «закрытой границы») [17, р. 20–21].

Концепция «наступательной политики» («forward policy») предусматривала необходимость активных действий по предотвращению «русской угрозы», ее сторонниками были Дж. Де Лейси Эванс [12], Г. Роулинсон [18], Ч. Мак-Грегор [16], лорд Керзон [11]. В основе этой концепции лежали русофобские настроения, основанные на оценках действий России как экспансионистских, особенно после присоединения Россией среднеазиатских ханств в 1870-х гг., обострившего опасения британской общечественности по поводу возможного вторжения русских войск в Британскую Индию [1, с. 88].

Концепция «закрытой границы» («close border policy») предусматривала отказ от активного противодействия России и укрепление на индийских границах с возможностью расширения влияния

в Азии лишь дипломатическими и коммерческими методами [1, с. 89]. Эти взгляды разделяли, в частности, вице-король Индии в 1864–1869 гг. Дж. Лоуренс [20] и статс-секретарь по делам Индии герцог Аргайл [10].

Анализ содержания трудов Уигема показывает, что он был сторонником наступательной политики и последовательным критиком изоляционистской концепции «закрытой границы», которая фактически являлась государственной в Британии к началу XX в. По ходу анализа коммерческого и геополитического положения Британии в Персидском заливе и на Дальнем Востоке журналист выделил ряд недостатков концепции «закрытой границы», которые, по его мнению, угрожали интересам Британии в этих регионах и в мире в целом.

Для начала выделим торгово-экономические аспекты в осмыслении Уигемом перспектив противостояния с Россией. Торговля для Уигема – ключевой критерий оценки положения европейских держав в Азии, он однозначно заявляет, что «политика Великобритании почти полностью направляется коммерческими мотивами» [22, р. 333]. В британском обществе на тот момент, как указывает журналист, господствовал пессимизм в оценках перспектив коммерческого противостояния России и Британии в Персии и на Дальнем Востоке, сводившийся к мысли о нецелесообразности его продолжения и вытеснении британцев из торговли в указанных регионах. Уигем поставил под сомнение этот тезис.

В частности, при определении реального места России и Британии в торговле в зоне Персидского залива Уигем раскритиковал официальную статистику, в частности, данные таможи Ирана за 1900–1901 гг., приведенные бельгийским начальником персидской таможи Наусом в «Ежегоднике государственного деятеля» за 1902 г. Уигем отметил, что эта статистика без должной проверки была подхвачена лондонскими журналистами [22, р. 334]. Данные Науса демонстрировали упадок англо-персидской торговли за прошедшие 10 лет и прогресс России: общая торговля Персии была оценена в 8 млн фунтов, из них на долю России приходилось 4,5 млн (56 %), Великобритании – 1,9 млн (24 %) [22, р. 334]. Уигем признал, что Россия за 10 лет обошла Британию в персидских торговых делах и более чем утроила свой импорт в Персию, тогда как Британия – лишь на 37 %: «Пока мы всего лишь удерживали свои позиции, Россия загнала остальных соперников в дальний угол поля и угрожает вторгнуться даже на нашу территорию» [22, р. 346]. Однако он привел два соображения в пользу того, что официальной статистике не следует доверять. Во-первых, бельгийская таможенная администрация, приглашенная в страну в качестве третьей, незаинтересованной силы, в действительности не являлась независимой и зачастую была настроена пророссийски [3, с. 98]. Во-вторых, указанный отчет по факту не являлся официальным отчетом таможи: Наус лишь сообщил цифры неким людям в Тегеране с разрешением использовать их для публикации [22, р. 335]. Собрав данные британских консулов, Уигем указал иные показатели: Британия давала более 2,75 млн фунтов импорта в Персию (против 1,4 млн, указанных Наусом). Таким образом, по данным Уигема, Россия имела не более 44,4 % импорта (вместо 55,9 %), в то время как Великобритания и ее колонии – 42,4 % [22, р. 345].

Рост коммерческого и политического влияния России на севере Персии в Британии зачастую связывали с преимуществами географического положения России и отдаленностью региона от британских берегов. На это Уигем возразил: перевозка груза из Манчестера в Тегеран через порт Бушир в среднем стоила около 22 долларов за тонну, от Москвы до Тегерана через каспийский порт Энзели – около 18 долларов. Разница невелика, особенно если учесть, что первый маршрут был существенно длиннее и продолжительнее [22, р. 350]. Куда большее значение, по мнению Уигема, имела российская система субсидий: Петербург компенсировал русским торговцам 5,4 рубля с каждого пуда текстильных товаров, вывозимых в Персию – эта субсидия покрывала персидскую ввозную таможенную пошлину. Таким образом, российский производитель, благодаря своему правительству, мог продавать товары в Тегеране по более низкой цене, чем в Москве, несмотря на большие транспортные расходы [22, р. 364]. Петербург компенсировал расходы на субсидии, кредитуя персидское правительство: Тегеран платил по русским займам отчислениями с доходов таможен и льготными условиями инвестиций. Так, особое значение для усиления влияния России на шаха имел заем 1900 г. Уигем, с одной стороны, называет его фатальным для Персии (Тегеран, утративший значительную часть доходов из-за падения мировых цен на серебро, мог выплатить заем в 2,25 млн фунтов сроком на 10 лет лишь путем новых заимствований, однако брать их, по условиям займа, он мог только у России), с другой – признает «необычайной глупостью» бездействие британского правительства, которое в условиях войны с бурами само не воспользовалось случаем предоставить шаху подобный заем («Мы упустили свой шанс и отказались от него» [22, р. 382]).

Единственным, но маловероятным, способом вывести Персию из финансовой зависимости от России Уигем видел радикальную перестройку системы государственных доходов, способную сделать персидские финансы стабильными. Так, еще в 1902 г. британский журналист допускал возможность привлечения иностранных администраторов-финансистов, не зависимых от Британии и России. Характерно, что в 1911 г., после Конституционной революции в Иране, шахское правительство пригласило в качестве главы казначейства американского финансиста Моргана Шустера, но его миссия оказалась провальной: страна уже была поделена на сферы влияния, и беспристрастность Шустера оказалась неуместной.

Чем могло ответить британское правительство на систему российских субсидий в Персии? Уигем признал, что введение аналогичных мер со стороны Лондона невозможно – ни одна партия не пойдет на это вопреки догмам капитализма и принципу самоуправляемости рынка. Тем не менее Уигем призвал «для предотвращения катастрофы приложить усилия, которые может предпринять только правительство или частные лица, поддерживаемые правительством» [22, р. 348], то есть требовал государственной поддержки британских торговых интересов в Персии.

На Дальнем Востоке коммерческие интересы Британии были не столь очевидны, однако и в этом регионе Уигем был вынужден предостерегать общественность от мнения, что «британская торговля в Азии настолько находится в упадке, что за ее интересы не стоит бороться даже на полях дипломатии» [22, р. 362]. Журналист требовал от правительства отказаться от пассивности в ведении внешней политики и не ждать ослабления России: «В нашей стране есть немало людей, которые верят, что Россия далеко не так черна, как ее малюют, и что половина пророчеств о ее агрессивной политике – плод перегретого воображения. Что Российская империя рано или поздно обязательно распадется из-за финансовых и социальных трудностей – к сожалению, это только утверждение, сделанное без какого-либо фактического подтверждения» [21, р. 207]. В частности, Уигем указал, что появление российских войск в Маньчжурии привело к снижению преступности, поэтому ждать волнений со стороны местных жителей не приходилось [21, р. 200].

К 1903 г. на Дальнем Востоке Россия утвердилась в Маньчжурии и продвигала свои интересы в Корею. Не допустив Японию на континент путем совместного с Германией и Францией дипломатического давления по результатам японо-китайской войны, Россия заключила ряд соглашений с Китаем и получила в аренду Ляодунский полуостров, а также право эксплуатации Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), соединившей Маньчжурию с российскими территориями в Приморье. По следам «восстания боксеров» район КВЖД в Маньчжурии был занят русскими войсками.

Для торговых нужд Россия построила порт Дальний и взяла под контроль порт Нючжуан (Инкоу). Уигема беспокоил не столько сам факт коммерческой гегемонии России в Маньчжурии (Китай на тот момент был не способен сопротивляться созданию европейскими державами торговых форпостов на своей территории), сколько российская политика в регионе в последующие 5-10 лет, за которые Маньчжурия, по мнению журналиста, должна была стать частью России [21, р. 160]. Уигем, а в его лице британские торговцы, опасались, что Россия закроет Маньчжурию для внешней торговли и «будет держать порты открытыми только до тех пор, пока это соответствует ее собственной политике» [21, р. 162]. В этом контексте Уигем сравнил британский подход к колониальной политике, основанный на концепции «открытых дверей», с российским и германским, основанным на преимущественных правах. Так, в долине Янцзы, находившейся в сфере влияния Британии, единственная железная дорога была построена бельгийцами, в прибрежных районах находились немецкие, русские и японские концессии, а британские интересы подчеркивались лишь канонерками, курсировавшими по реке. Германия же в Циндао и Россия в Маньчжурии установили привилегии для собственных купцов, монопольно строили и эксплуатировали железные дороги и добывали полезные ископаемые. Британии, указывает Уигем, следует действовать аналогично и аннексировать долину Янцзы, хоть это и противоречило традициям британской колониальной политики [21, р. 241].

Особое внимание в противодействии России в Персии и на Дальнем Востоке Уигем уделил железнодорожному строительству, которое напрямую влияло на торговлю, позволяя сократить транспортные расходы и дать возможность английскому купцу продавать свои товары по более низкой цене.

В Персии «строительство железных дорог с участием британского капитала от Персидского залива до Тегерана разрушило бы весь картонный замок русского господства в Северной Персии, нанеся смертельный удар по ее торговле» [22, р. 373]. В этом аспекте Уигем возражал лорду Керзону, который в 1890 г. скептически воспринимал перспективы железнодорожного строительства в Персии и

выступал за развитие традиционных караванных путей [22, р. 375]. Уигем видел лишь два препятствия для строительства железных дорог в регионе: общее убеждение в Лондоне, что железные дороги в Персии не смогут окупиться из-за неблагоприятного ландшафта, а также русско-персидский секретный протокол 1890 г., по которому шах обязался не давать права строительства железных дорог какой-либо державе на 10 лет с возможностью пролонгации. Лорд Керзон называл этот протокол проявлением «неумелости русской политики», Уигем же настаивает: на самом деле этот документ был продуманным шагом российской дипломатии. Россия сама еще не была готова строить железные дороги в Персии, при этом получила возможность не допустить в регион конкурентов. Британскому правительству журналист рекомендовал добиться от шаха аналогичного письменного обязательства не давать согласия на строительство железных дорог к югу от Тегерана без согласия Лондона, а также после 1905 г. не признавать положений упомянутого русско-персидского протокола и заняться железнодорожным строительством в зоне Залива. «При правильной системе железных дорог в Персии Россия не могла бы конкурировать с нами, – пишет Уигем. – Если мы не займемся этим вопросом, мы проснемся завтра утром и обнаружим, что возможность упущена, а на нашем месте появилась какая-то другая сила» [22, р. 377]. В данном случае явно содержится намек на усиление активности Германии на Ближнем Востоке, что в условиях обострения отношений между европейскими державами в начале XX в. могло стать весомым аргументом для британской общественности.

На Дальнем Востоке именно строительство КВЖД Уигем определил как ключевой фактор в установлении российской торговой гегемонии в Маньчжурии. Железная дорога стимулировала товарообмен, переброска строительных материалов превратила порт Ньюджуана в процветающий, что повысило покупательную способность местных жителей и тем самым смягчило восприятие китайцами присутствия иностранных войск на своей территории. В этой связи железная дорога от Харбина до Порт-Артура имела как коммерческое, так и стратегическое значение [21, р. 46].

В целом торгово-экономический аспект англо-русского противостояния Уигем характеризует как неотрывный от военно-геополитического. Уигем в своих книгах неоднократно критиковал британскую политику «закрытой границы» и упрекал британское правительство в бездеятельности, причем, в отношениях не только с Россией, но и другими державами. Так, Уигем заострил внимание читателя на значимости портов Персидского залива «на шахматной доске индийской политики» [22, р. 18]. За поощрением французами работоторговли на берегах Персидского залива Уигем видел «некий неясный мотив, выходящий за рамки простого желания защитить арабов-работоторговцев» [22, р. 19]. Франция с 1894 г. являлась союзницей России, что делало ее пребывание в регионе еще более опасным для британских интересов. Для борьбы с конкурентами Уигем призывал к установлению британского протектората над портами Персидского залива [22, р. 29]. В частности, Бахрейну, центру добычи жемчуга в регионе, чтобы уберечься от турецкого или ваххабитского влияния, по мнению Уигема, «было бы лучше, если бы он был аннексирован Великобританией» [22, р. 31].

Особые опасения автор высказал в отношении германской активности в Персидском заливе, в частности, в связи с получением Германией в 1902 г. права строительства Багдадской железной дороги. Уигем категорично отметил, что «предприятие даст возможность Германии подобраться к нефтяным месторождениям Месопотамии, а также в перспективе выйти к торговому пути в Западную Персию» [22, р. 81], сделав Берлин новым сильным оппонентом Лондона в регионе. Однако в сравнении с Россией Германия виделась Уигему «меньшим злом». Это проявляется, в частности, в его рассуждениях по поводу персидского порта Бендер-Аббас: в начале XX в. в британских газетах обсуждалась тема заключения договоренности с Россией об урегулировании спорных вопросов с последующей передачей порта Бендер-Аббас под российское управление. Уигем поставил под сомнение разумность данной инициативы: Бендер-Аббас, по его убеждению, непременно стал бы российской военно-морской базой, «новым Порт-Артуром или Вэйхайвэем» [22, р. 71]. Выйдя к Персидскому заливу, Россия контролировала бы всю Персию и, что было особенно болезненно для британских интересов, могла угрожать индийскому побережью [22, р. 71]. Перед такой перспективой Уигем даже готов последовать за теми, кто выступал за поощрение Германии в зоне Залива [22, р. 72].

На Дальнем Востоке Уигем заявил два ключевых требования к собственному правительству – добиться эвакуации России из Маньчжурии и помешать ей укрепиться в Корее. Признание Маньчжурии зоной влияния России было оформлено англо-русским соглашением 1899 г. Уигем критикует британское правительство за заключение этого соглашения, обвиняя лорда Солсбери и А. Бальфура в некомпетентности: «На протяжении переговоров они демонстрировали ту веселую беззаботность и

полное незнание реальных проблем, которые так часто характеризовали работу нашего правительства в решении азиатских вопросов. Мы настолько привыкли к процессу поглощения богатейших частей Земли, что, возможно, нам и в голову не приходило, насколько неравным было распределение добычи в Китае» [21, р. 241]. В 1900 г. Россия предложила Китаю соглашение, по которому она, с одной стороны, обязалась эвакуировать свои войска из Маньчжурии, с другой – рассчитывала сохранить войска для охраны КВЖД и исключить всякое иностранное влияние в регионе, включая концессионеров. Соглашение не было подписано, но публикация его положения в «Таймс» произвела соответствующее впечатление на европейские общества [7, с. 176]. «Россия не может эвакуировать Маньчжурию в любом смысле этого слова, не отказавшись от концессии на железную дорогу, которую она уже построила, – обобщает Уигем, – и ожидать от нее этого, конечно, верх абсурда» [21, р. 245].

Единственным способом заставить Россию эвакуировать Маньчжурию без войны Уигем называет создание антироссийского альянса в составе Британии, США и Японии (Германию он считал подчиненной России и ведущей собственную политику в Китае [21, р. 169]). Реалистичность подобного альянса зависела от того, насколько значимой эти державы считали для себя долю в торговле Маньчжурии.

Отношение американского правительства к маньчжурскому вопросу, по мнению Уигема, к 1902 г. стало более серьезным из-за опасений государственного секретаря Дж. М. Хэя по поводу перспектив его доктрины «открытых дверей» в Китае. Журналист ссылается на факт отклонения США «частной сделки», которая была предложена Россией как гарантия торговых интересов США в Маньчжурии. Уигем цитирует «New York Tribune»: «Такое соглашение было бы оскорбительным для Америки. Можно с полным основанием утверждать, что никакая другая политика, кроме политики "открытых дверей", не может быть оправдана перед народом Америки» [21, р. 174]. Между тем архивные данные показывают, что США вели более сложную игру, не стремясь вступать в какие-либо альянсы. Так, посол России в США гр. А. П. Кассини в 1902 г. докладывал министру иностранных дел гр. В. Н. Ламсфорду о переговорах с Хэем: «Я всегда признавал совершенно исключительный характер отношений России к Маньчжурии, – прибавил г-н Хэй, – и вытекающие из сего некоторые неоспоримые права. Англо-американская пресса, старается выставить меня убежденным сторонником химерического союза между Соединенными Штатами и Великобританией. Я могу заверить Вас, что в этом нет ни слова правды. Мы, конечно, желаем сохранять наилучшие отношения со всеми государствами, но Вы можете быть убеждены, что сохранение исключительно добрых и искренних отношений между нашими странами является одним из основных принципов иностранной политики Соединенных Штатов» [8, с. 29–30].

Позиция Японии по поводу антироссийского союза была самой очевидной. Не позволив Японии завладеть Маньчжурией в 1895 г., Россия пожала плоды ее трудов, взяв контроль над регионом, поэтому у Японии были как коммерческие, так и политические причины для противостояния России. Именно Япония, по мысли Уигема, была наиболее заслуживающим доверия участником возможного альянса [21, р. 169]. При этом в перспективу русско-японского конфликта журналист не верил: «Япония может высадить десяток армейских корпусов в Маньчжурии. Но Россия примет свою старую тактику и уйдет. Тогда начнется настоящая война. Русская железная дорога будет по каплям доставлять людей на Восток, и все это время Япония, не имеющая естественной линии обороны, будет подвергаться атакам тридцати тысяч лучших конных пехотинцев в мире... В отношении Маньчжурии Россия более или менее неуязвима. Как считают многие, неизбежная война между Россией и Японией обречена закончиться дымом, так как японцы уже потеряли свою великую возможность» [21, р. 60].

Уигем советовал Японии как можно скорее овладеть Кореей. Захватив Корею, Япония помешала бы России получить господство в Желтом море: «Россия уже является величайшей военной державой на Дальнем Востоке – мы должны позаботиться о том, чтобы она не достигла морского господства» [21, р. 119]. Укрепление в Корее могло гарантировать России военно-морскую базу, которая соединила бы отрезанные друг от друга Порт-Артур и Владивосток. Интересы Британии в Корее Уигем подчеркивает следующим образом: «Наша торговля с Кореей далеко не так велика, как с Маньчжурией, у нас нет железнодорожных интересов в Корее. Сдать Корею на милость России означало бы создать на Дальнем Востоке великую военно-морскую державу, что было бы роковым для нашего политического и торгового положения в Китае. Помогая Японии укрепить свои позиции в Корее, мы не только сохраняем открытую дверь для нашей торговли, но и обеспечиваем что-то вроде баланса сил на Дальнем Востоке» [21, р. 168].

Характерно, что соображения Уигема по поводу событий на Дальнем Востоке в большей степени, чем в Иране, соответствовали реальному курсу британского правительства. Уже в 1902 г. был подписан англо-японский договор, и Япония заявила России о своих претензиях на Корею. Отказ России от соглашения по Корее во многом стал отправной точкой для последующей русско-японской войны [7, с. 180]. Уигем ошибся лишь в оценках вероятности этой войны: «Нельзя всерьез полагать, что Япония когда-либо вторгнется в Маньчжурию, если, конечно, она не будет захвачена безумием, с которым боги посещают тех, кого они хотят уничтожить» [21, р. 118].

Раздел сфер влияния в Азии Уигем видел необязательной, но возможной мерой. В Персии, по его мнению, Россия не была заинтересована в таком разделе и не стала бы ограничивать себя лишь частью страны («нет ни малейшего основания предполагать, что Россия когда-либо поставит свою подпись под каким-либо соглашением о сферах влияния» [22, р. 391]). С другой стороны, в случае осуществления этой меры Британии следовало настаивать на закреплении южной Персии под ее господством – этот тезис в итоге был закреплен в англо-русской конвенции 1907 г. На Дальнем Востоке Уигем также признавал возможность закреплении сфер влияния с целью «призвать Россию к Маньчжурии, чтобы она не имела никакого права голоса в управлении остальным Китаем» [21, р. 188]. Ценой согласия на гегемонию России в Маньчжурии должна была стать аналогичная гегемония Британии в долине Янцзы, подкрепленная совместной политикой Японии, Великобритании и США.

Таким образом, несмотря на публицистический стиль и тенденциозный подход к изложению фактов, книги Уигема представляют собой ценный источник в изучении общественного мнения Британии на рубеже веков по проблемам англо-русского соперничества. Господствовала пессимистичная концепция, суть которой состояла в том, что борьба с Россией в Азии уже проиграна или близка к тому.

Уигем дает представление о «Большой игре» с коммерческих и геополитических позиций. Британскую внешнеполитическую концепцию «закрытой двери» он критиковал за пассивность и призывал не считать расширение русского влияния в Персии и на Дальнем Востоке естественным процессом, как, по его данным, понимало этот процесс большинство британских авторов того времени [22, р. 23]. Следуя Уигему, значительная часть британцев считала, что «Россия уже поглотила больше Азии, чем она может переварить, и что ее колонии являются для нее серьезным бременем» [22, р. 423], тем самым обосновывая оборонительную политику Британии в регионе.

Для противостояния России на Востоке Уигем требовал от британского правительства проведения мер экономического характера – строительства железных дорог для удешевления британской торговли, а также государственной поддержки торговли. В геополитическом контексте он ожидал от Лондона не военной, а дипломатической активности в виде изменения колониальной политики (установления протекторатов и разграничения сфер влияния, чтобы опередить действия России, вместо политики «открытых дверей») и заключения антироссийского альянса, способного дать Британии преимущество в «Большой игре».

Политику России в Азии Уигем представлял как последовательную и продуманную: «Мы играем против противника, который давно продумал свой план кампании и никогда не упускал возможности претворить его в жизнь. Его игра жестока и последовательна, потому что он знает конечную цель. Наши же контрудары сделаны полностью в темноте» [22, р. 406]. Насколько подобная характеристика соответствовала действительности, оставим без комментариев, поскольку современная отечественная историография более скромно обозначает российские амбиции в Азии на рубеже веков, делая акцент на экономической незаинтересованности России в приобретении отдаленных территорий с бедным населением, не приносящих дохода, но требовавших больших вложений из бюджета [9].

Наконец, следует отметить определенное соответствие соображений Уигема реальным действиям британского правительства на рубеже веков. Несмотря на критический тон журналиста, Лондон в указанный период фактически перешел к обозначенному в его книгах курсу. Так, на Дальнем Востоке Британия заключила антироссийский альянс с Японией при благожелательном отношении США к нему. Англо-русская конвенция 1907 г. также была в значительной степени предсказана Уигемом в его рассуждениях о перспективах раздела сфер влияния в Азии. Можно заключить, что либо мнение Уигема и его сторонников оказалось по-настоящему весомым и повлияло на настроения общественности и правительства, либо же книги Уигема в действительности были выражением правительственного курса и должны были подготовить британское общественное мнение к активизации внешней политики в условиях мировых геополитических сдвигов рубежа XIX–XX вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данков А. Г. Британская историография второй половины XIX в. об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 300–1. С. 87–90.
2. Жигалина О. И. Английская историография конца XIX в. о политике Великобритании в Иране и Афганистане // Ближний и Средний Восток: экономика и история. М., 1983. С. 226–245.
3. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. 544 с.
4. Маннанов Б. С. Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке (из истории «Большой игры») // Фальсификаторы истории (критика буржуазной историографии Средней Азии и стран зарубежного Востока). Ташкент, 1985. С. 51–75.
5. Медведик И. С. Англо-российский конфликт в Персии в британской прессе (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 5. С. 69–77.
6. Орлов Е. А. Вопрос об «обороне Индии» от «русской угрозы» в историографии // Против колониализма и неоколониализма. М., 1976. С. 38–59.
7. Потемкин В. П. История дипломатии. Т. 2. М.: Directmedia, 2015. 442 с.
8. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Ю. В. Басенко, В. И. Журавлева, Е. Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. 856 с.
9. Черникова Н. В. Оценка внутренней политики Александра II и Александра III // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. URL: <https://history.jes.su/s207987840004414-4-1/> (дата обращения: 04.09.2021).
10. Argyll G. The Eastern Question from the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878 and the Second Afghan War. L., 1879. 316 p.
11. Curzon G. Persia and Persian question. L., 1892. 493 p.
12. Evans de Lacy J. On the designs of Russia. L., 1828. 270 p.
13. Gleason J. H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Harvard, 1950. 314 p.
14. Greaves R. L. Sistan in British Indian Frontier Policy // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1986. Vol. 49. №. 1. P. 90–102.
15. Hopkirk P. The Great Game: the Struggle for Empire in Central Asia. L., 1990. 565 p.
16. MacGregor C. The Defense of India. Simla, 1884. 388 p.
17. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. New-York: Cass, 2006. 264 p.
18. Rawlinson H. England and Russia in the East. L., 1875. 394 p.
19. Resis A. Russophobia and "Testament" of Peter the Great. 1818–1980 // Slavic review. 1985. Vol. 44. № 4. Pp. 681–693.
20. The Lawrence Minute. 1867 // Morgan G. Anglo-Russian rivalry in Central Asia 1810–1895. Padstow, 1981. Pp. 226–237.
21. Whigham H. J. Manchuria and Korea. London : Istbister and Co, 1904. 287 p.
22. Whigham H. J. The Persian Problem: An Examination of the Rival Positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian Gulf and the Bagdad Railway. New-York : Charles Schribner's sons, 1903. 497 p.
23. Yapp M. A. British Perceptions of the Russian Threat to India. // Modern Asian Studies. 1987. Vol. 21. №. 4. Pp. 647–665.

Поступила в редакцию 17.05.2022

Макутчев Александр Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»
300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 125, корп. 4
E-mail: makutchevav@tspu.ru

A.V. Makutchev

ANGLO-RUSSIAN RIVALRY IN IRAN AND THE FAR EAST AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN THE ASSESSMENTS OF THE BRITISH JOURNALIST G.J. WHIGHAM (1869–1954)

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-530-539

In modern historical science, there is an increasing interest in historical imagology – a scientific discipline that studies images of "alien" nations and cultures formed in a specific socio-historical environment. Imagology allows us to reveal the characteristic features of both the perceived "alien" object and the self-consciousness of the evaluating subject. This study examines the image of Russia in British society at the turn of the XIX–XX centuries in the context of the global

Anglo-Russian rivalry – the "Big Game". The empirical basis of the study was the works of the British traveler and journalist G. J. Whigham published in 1903–1904. In his works, Whigham analyzes in detail British trade and geopolitical interests in Iran and the Far East, criticizes the foreign policy doctrine of the British government, analyzes the development and prospects of confrontation with Russia in these regions, gives a picture of the mood of British society about the continuation of this confrontation and presents, albeit tendentious, but a vivid image of Russia as a British competitor.

Keywords: Russia, Great Britain, «The Big Game», Iran, Manchuria, imagology, russophobia.

REFERENCES

1. *Dankov A. G.* Britanskaya istoriografiya vtoroj poloviny XIX v. ob anglo-russkih protivorechiyah v Central'noj Azii [British historiography of the second half of the 19 century on Anglo-Russian contradictions in Central Asia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 2007, no. 300–1, pp. 87–90. (In Russian).
2. *Zhigalina O. I.* Anglijskaya istoriografiya konca XIX v. o politike Velikobritanii v Irane i Afganistane [English historiography of the late XIX. on the policy of Great Britain in Iran and Afghanistan]. Blizhnij i Srednij Vostok: ekonomika i istoriya [Near and Middle East: economics and history]. Moscow, 1983, pp. 226–245. (In Russian).
3. *Kazem-Zade F.* Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomacheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii [Struggle for influence in Persia. Diplomatic confrontation between Russia and England.]. Moscow, "ZAO «Centropoligraf»" Publ., 2004, 544 p. (In Russian).
4. *Mannanov B. S.* Sovremennaya burzhuaznaya istoriografiya o nekotoryh aspektah istorii anglo-russkih otnoshenij na Srednem Vostoke (iz istorii «Bol'shoj igry») [Modern bourgeois historiography on some aspects of the history of Anglo-Russian relations in the Middle East (from the history of the "Big Game")]. Fal'sifikatory istorii (kritika burzhuaznoj istoriografii Srednej Azii i stran zarubezhnogo Vostoka) [Falsifiers of history (criticism of bourgeois historiography of Central Asia and the countries of the Foreign East)]. Tashkent, 1985, pp. 51–75. (In Russian).
5. *Medvedik I. S.* Anglo-rossijskij konflikt v Persii v britanskoj presse (konec XIX – nachalo XX v.) [The Anglo-Russian conflict in Persia in the British press (late 19 – early XX century)]. Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Astrakhan State Technical University], 2006, no. 5, pp. 69–77. (In Russian).
6. *Orlov E. A.* Vopros ob «oborone Indii» ot «russkoj ugrozy» v istoriografii [The question of the "defense of India" from the "Russian threat" in historiography]. Protiv kolonializma i neokolonializma [Against colonialism and neocolonialism]. Moscow, 1976, pp. 38–59. (In Russian).
7. *Potemkin V. P.* Istoriya diplomatii [History of diplomacy]. Vol. 2, Moscow, "Directmedia" Publ., 2015, 442 s. (In Russian).
8. Rossiya i SSHA: diplomacheskije otnosheniya. 1900–1917 [Russia and the USA: diplomatic relations. 1900–1917]. Pod red. akad. A. N. Yakovleva; sost. Yu.V. Basenko, V.I. Zhuravleva, E.Yu. Sergeev. Moscow, "MFD" Publ., 1999, 856 s. (In Russian).
9. *Chernikova N. V.* Ocenka vnutrennej politiki Aleksandra II i Aleksandra III [Assessment of the internal policy of Alexander II and Alexander III]. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational magazine "History"], 2019. URL: <https://history.jes.su/s207987840004414-4-1/> (accessed: 04.09.2021). (In Russian).
10. *Argyll G.* The Eastern Question from the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878 and the Second Afghan War. L., 1879. 316 p.
11. *Curzon G.* Persia and Persian question. L., 1892. 493 p.
12. *Evans de Lacy J.* On the designs of Russia. L., 1828. 270 p.
13. *Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Harvard, 1950. 314 p.
14. *Greaves R. L.* Sistan in British Indian Frontier Policy // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1986. Vol. 49. №. 1. P. 90–102.
15. *Hopkirk P.* The Great Game: the Struggle for Empire in Central Asia. L., 1990. 565 p.
16. *MacGregor C.* The Defense of India. Simla, 1884. 388 p.
17. *Morgan G.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. New-York: Cass, 2006. 264 p.
18. *Rawlinson H.* England and Russia in the East. L., 1875. 394 p.
19. *Resis A.* Russophobia and "Testament" of Peter the Great. 1818-1980 // Slavic review. 1985. Vol. 44. № 4. Pp. 681–693.
20. The Lawrence Minute. 1867 // Morgan G. Anglo-Russian rivalry in Central Asia 1810-1895. Padstow, 1981. Pp. 226–237.
21. *Whigham H. J.* Manchuria and Korea. London : Istbister and Co, 1904. 287 p.

22. *Whigham H. J.* The Persian Problem: An Examination of the Rival Positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian Gulf and the Bagdad Railway. New-York : Charles Schribner's sons, 1903. 497 p.
23. *Yapp M. A.* British Perceptions of the Russian Threat to India. // *Modern Asian Studies*. 1987. Vol. 21. №. 4. Pp. 647–665.

Received 17.05.2022

Makutchev A.V., Candidate of History, Associate Professor of the Department of Law
Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University
Lenin Ave., 125/4, Tula, Russia, 300026
E-mail: makutchevav@tsput.ru